

Новые угрозы для России и евразийской безопасности

Парадигма, выражающая геополитическое самоутверждение России, должна стать руководством к активному действию в ближайшие год–два¹

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Глобальное развитие становится все более неравномерным. Вызревает почва для новых конфликтов экономического, геополитического, этнического характера²

*В. Путин,
Президент России*

¹ Торкунов А. В. Россия в изменяющейся геометрии современного мира / В сб. Научные проблемы национальной безопасности Российской Федерации. М. 2007. Вып. 4. С. 35.

² Путин В. В. Послание Президента Федеральному Собранию. 2012. 12 декабря / <http://президент.рф>

Во втором десятилетии XXI века резко усилился процесс роста военно-политической напряженности в Евразии, который все отчетливее приобретает черты военно-политического противостояния США и их союзников, с одной стороны, и России, Китая, целого ряда евразийских государств, с другой. В 2011–2012 годах, например, именно этот регион был признан США наиболее приоритетным с точки зрения безопасности США, оттеснив даже Ближний и Средний Восток.

Евразийская интеграция (как и политика противодействия интеграции), создание системы безопасности на континенте и развитие систем ВКО в Евразии — две важнейшие тенденции, которые начинают не только доминировать в международных отношениях, но и оказываются тесно связанными между собой. Причем на самых разных уровнях и относительно разных стран. Так, стремительно усиливая свой наступательный и оборонительный потенциал в АТР, направленный прежде всего против Китая и России, США не только формируют военно-политическую коалицию в Евразии, но и всячески развивают ВТС со своими нынешними и потенциальными союзниками. Ключевая роль в этой политике принадлежит сотрудничеству

в области ПВО и ПРО, которое во многом является не только следствием избранного политического курса тем или иным государством, но и само оказывает влияние на политические, в т.ч. интеграционные процессы.

Иногда явно недооценивается возможность евразийских государств в ядерной и воздушно-космической области.

Перечень государств обладающих баллистическими ракетами малой дальности¹

¹ Матвеев О.В. Противоракетная оборона как фактор российско-американских взаимоотношений. М.: Военный университет, 2011. С. 156.

№№	Страна	Название (дальность полета, км)
1	Индия	Агни 1 (800 км)
2	Индия	Шаурья (600–700 км)
3	Пакистан	Газнави (350 км)
4	Пакистан	Абдали (200 км)
5	КНР	ДунФен 11 (350 км)
6	Китай	ДунФен-15 (600 км)
7	Иран	Фатех-110 (250 км)
8	Израиль	Иерихон 1 (500 км)
9	Россия	Искандер (до 500 км)
10	Индия	Притхви I (150 км)
11	Индия	Притхви II (250–350 км)
12	Индия	Притхви III (350–750 км до 1000 при 250 кг ПН)
13	Иран	Шахаб-2 (700 км)
	Турция	J-600T Йылдырым I (150 км)
	Турция	J-600T Йылдырым II (300 км)
	Республика Корея	Нуунтоо-1 (180–250 км)
	Республика Корея	Нуунтоо-2 (300–500 км)
	США	АТАСМС (180 км)

■ Евразийская воздушно-космическая оборона

В настоящее время военно-технические и экономические возможности евразийских государств позволяют создавать не только системы ВТО, но и собственные системы стратегических наступательных и оборонительных вооружений, космические программы и собственную научно-техническую политику. Так, КНДР осуществляет уже не только собственную ядерную программу, но и проводит испытания МБР, выводит спутник в космос. Иран осуществляет широкий спектр разработок — от ядерных исследований и создания баллистических ракет до производства КР, беспилотников и других систем ВТО. Пакистан, Республика Корея, конечно, Япония и целый ряд других стран резко активизировали свою деятельность практически по всем направлениям. Все это говорит о том, что происходит не просто процесс расширения круга государств, приобретающих самое современное оружие, но и создание новой научно-технической и технологической базы современных ВВТ в Евразии.

Вместе с тем необходимо выделить качественно новые уже существующие и перспективные военно-политические угрозы для России, противодействовать которым нашей стране предстоит в ближайшие 20–30 лет. Это не просто тот срок, на который предлагал В. Путин «заглянуть за горизонт» с точки зрения ВВТ и в соответствии с периодом когда будет работать ВПК и Минобороны¹, но когда произойдут неизбежные тектонические сдвиги в мировой расстановке сил — экономических, политических, научно-технических и военных. Это будет безусловно, качественно новая ситуация в системе безопасности.

Появление в конце января 2013 года двух принципиально важных документов — плана обороны России и решения ВПК, что ГПВ-2025 будет базироваться на прогнозе угроз национальной безопасности — хотя и запоздалый, но, безусловно, крайне необходимый шаг, который еще недавно был абсолютно невоз-

¹ 30 января 2013 г. ВПК при Правительстве России постановила, что госпрограмма вооружений до 2025 года будет базироваться на прогнозе угроз национальной безопасности на тридцатилетний период. См.: ВПК определила правила подготовки гос-программы вооружений до 2025 года / ЦАМТ. 2013. 30 января / <http://armstrade.ru>

можен. И не только потому, что были крайне ограничены ресурсы, но прежде всего потому, что господство либеральной идеологии «экономизировало» всю общественно-политическую жизнь страны, отрицая не только госрегулирование, но и, как следствие, необходимость стратегических прогнозов и стратегического планирования.

Конечно, финансово-монетарные власти, продолжая во многом контролировать экономическую политику страны, будут и дальше влиять на формирование военной политики (и в части приватизации, и «менеджеризма» ВС), но следует признать, что на рубеже 2012–2013 годов в этой области произошел серьезный идеологический перелом: В. Путин и часть поддерживающей его элиты сумели внести новые элементы в политическую и экономическую жизнь государства, направленные на укрепление его суверенитета. Без такого поворота необходимость в стратегическом прогнозе и планировании были бы невозможны.

Если говорить очень коротко, то перечень наиболее приоритетных военно-политических угроз для России, формирующихся сегодня и, вероятно, сохраняющих свою актуальность до 2030 года, выглядит следующим образом:

1. Растущее отставание России в темпах развития и качестве национального человеческого капитала (НЧК) от ведущих стран мира неизбежно ведет в свою очередь к отставанию в:

- темпах роста, структуре и качестве ВВП, обрабатывающих отраслей в целом и ОПК, в частности;
- развитию наукоемких отраслей промышленности, современных технологий, включая военные, а в целом политике модернизации экономики страны;
- развитию государственных и общественных институтов, реализующих НЧП, включая неэффективность органов государственного и общественного управления;

■ Евразийская воздушно-космическая оборона

- формировании «креативного класса», создающего основную часть национального богатства и ВВП страны;
 - качестве НЧК в ОПК и ВС России.
 - качестве и возможностях использовать «мягкую силу» в интересах обеспечения национальной безопасности.
- 2. Депопуляция и деиндустриализация восточных регионов России (от Урала до Дальнего Востока).** Здесь находятся основные природные и минеральные ресурсы страны и максимально близко к новым, быстро растущим центрам силы в Евразии и АТР. Следствием дальнейшего развития этой тенденции с военно-политической точки зрения может быть:
- ослабление влияния России в АТР и Евразии, ее вытеснение — экономическое, политическое, военное — более сильными державами, прежде всего, США, Китаем и Японией;
 - потеря контроля над частью территории и ресурсами восточных регионов, которые могут стать предметом договоренностей между США, Японией и Китаем;
 - утрата политических и экономических позиций в Центральной Азии и Закавказье, переход этих государств под контроль других государств и появление военной угрозы с южного направления, дестабилизация ситуации на юге России и в Поволжье;
 - раскол в конечном счете страны на европейскую и азиатскую части при полной потере суверенитета над восточными и южными регионами России.
- 3. Формирование военно-политической коалиции под контролем США в Центральной Азии и на Среднем Востоке, враждебной России,** что создает новый спектр угроз южного направления:
- создание военной инфраструктуры США, стран Евросоюза и их союзников в Центральной Азии и Закавказье, способной не только контролировать этот регион

Евразии, но и непосредственно угрожать Югу России, Западной Сибири, Уралу и Поволжью;

- приближение к центральным районам России сил и средств, способных к нанесению «обезглавливающего» и «обезоруживающих» ударов с помощью ВТО и неядерных стратегических вооружений;
- перенос политики «дестабилизации» политических режимов на территорию России, используя в этих целях национальные меньшинства, общественные, религиозные и иные общественные объединения.

4. Создание США и их союзниками ВТО и стратегических неядерных вооружений (КР, боевых ударных беспилотников, и бомб ракет класса «воздух–земля», ГЗЛА), способными:

- интегрировать наступательные, оборонительные и информационные ВВТ в единый комплекс, способный обеспечить быстрый и эффективный переход от невоенного насилия (информационного и кибервоздействия) к прямому применению вооружений и достижению военной победы;
- обеспечить угрозу применения военной силы в открытой (эксплицитной) или закрытой (имплицитной) форме для обеспечения интересов США и продвижения их системы ценностей в России;

5. Внедрение новых концепций применения военной силы, способных:

- вернуть ей качество «используемого» политического инструмента против России;
- формировать системы управления ВС и ВВТ, ставящей перед собой достижение геополитических целей с использованием коалиционной стратегии;
- создавать концепции информационного и кибернетического воздействия в качестве первой силовой фазы военных действий;

■ Евразийская воздушно-космическая оборона

- объединять, прежде всего, в воздухе и космосе (от высот в несколько метров до сотен километров) информационных и огневых средств нападения и защиты;
 - создавать системы «сетевидного» управления вооруженными силами и ВВТ.
- 6. Потенциальная возможность раздела «сфер влияния» между США и их союзниками, с одной стороны, и КНР, с другой, в Евразии и АТР:**
- быстрое развитие нового центра силы в мире — Китая — неизбежно поставит вопрос о партнерстве (противодействие США и их союзникам, что может привести к разделу сфер влияния в Евразии: «отдавая» Северо-Восточную и Юго-Восточную Азию Китаю, США могут претендовать на Центральную Азию (включая Казахстан);
 - по мере развития США и Китая их военные возможности, которые уже превышают возможности любой коалиции, могут превратиться в доминирующую в мире военную силу;
 - компромиссом договоренностей США и Китая могут стать восточные районы России, включая не только их ресурсы и материальные активы, транспортные коридоры, но и территории.
- 7. Складывается устойчивое впечатление, что неравномерность в развитии отдельных государств и возникновение новых центров силы происходит параллельно с подготовительным этапом к более активным военным действиям, которые могут наступить после 2020 года:**
- неравномерность экономического, технологического и военно-технического развития создает предпосылки к изменению соотношения военных сил в мире, прежде всего в Евразии, что, в свою очередь, является прямым стимулом к применению военной силы;

- «подготовительный этап» отчетливо просматривается в тенденциях развития ВВТ в пользу ВТО неядерного авиационно-космического компонента;
- завершение «подготовительного этапа» можно прогнозировать также исходя из концепции отказа от ядерного сдерживания, создания концепций первого, «обезоруживающего» удара и сетецентрических войн.

Индия, например, ведет разработку региональной эшелонированной системы противоракетной обороны, где роль ближних (к обороняющейся стороне) оборонительных эшелонов будут играть элементы израильских систем «Хец» и «Железный купол» (или их аналоги, разрабатываемые совместно с Израилем с начала 2000-х годов). Кроме того, Индия приняла на вооружение баллистические ракеты семейства «Агни», способные поражать цели в глубине территории Китая¹.

В свою очередь, Китай, наблюдая за этими приготовлениями, и опасаясь ВМС США (которые в случае войны блокируют пути поставок энергоносителей по морю), создает свою систему экономической и региональной безопасности. В частности, планирует строительство, или строит газо- и нефтепроводы, железные дороги, шоссейные трассы, логистическую инфраструктуру по маршрутам:

1. Китай — Киргизия — Узбекистан — Туркменистан — Иран;
2. Китай — Пакистан — Иран.

Главная задача этих путей сообщения — доставка энергоносителей в Китай, а также проецирование силы в регион бывшей советской Средней Азии (Центральной Азии — ЦА), и в регион Персидского залива. Причем работа уже кипит вовсю: строятся пути сообщения в Киргизии и Узбекистане, скупается все, что может иметь хоть какую-то ценность для Китая в ЦА, планируется строительство газопровода Иран — Пакистан»².

¹ Ракеты «Агни-5», впервые испытанные в 2012-м году, относятся к классу МБР и способны поражать цели на территории всего АТР, включая большую часть России. В 2013 г. успешно испытана модификация «Агни-3 SL», являющаяся БРПЛ, что теоретически позволяет рассматривать ее как оружие глобальной досягаемости.

² Воробьев А. Евразийский передел: Китай // Военное обозрение. 2013. 11 января / <http://topwar.ru>

Евразийская воздушно-космическая оборона

В этом евразийском котле противоречий особенная роль принадлежит двум сильнейшим мировым державам — США и Китаю, чьи военные расходы уже многократно превышают уровень других стран. США, например, в целях сдерживания Китая, планируют привлечь в АТР большую часть своего военно-морского потенциала (до 60%), создание широкого фронта стран — соседей Китая, опасаящихся подпасть под влияние, несовместимое с сохранением национального суверенитета. Особая роль в этом альянсе отводится Индии.

Важнейшее значение в этой связи приобретает евразийская военно-политическая интеграция и военно-техническое сотрудничество. Особенно в области ПВО–ПРО–ВКО.

Евразийская интеграция — тема, ставшая особенно популярной после известной статьи В. Путина, опубликованной 4 октября 2011 года в «Известиях», к сожалению, свелась пока практически к экономическому и таможенному сотрудничеству России, Казахстана и Белоруссии, хотя выдвигаются идеи усиления двухстороннего и многостороннего сотрудничества в ОДКБ, прежде всего, в наиболее чувствительной области —

ПВО–ПРО. В частности, Россия, Белоруссия и Казахстан (с января 2013 г.) находятся в процессе создания единой системы ВКО¹.

Этот акцент заведомо ограничивает масштаб и характер процесса интеграции узкоэкономическими «выгодами» и расчетами. За скобками дискуссии по интеграции остались такие ключевые проблемы, как единая ценностная система, внешняя и оборонная политика, которые являются приоритетными, например, в Евросоюзе. Странным образом эти ключевые проблемы пока что «выпали» из эпицентра «евразийского» дискурса. И напрасно, ведь именно они являются в действительности ключевым объяснением идеи евразийской интеграции. Хотят это признать правящие элиты или нет.

Надо признать, что постсоветским государствам, а также ряду других государств Евразии ещё предстоит более четкая самоидентификация в новых условиях. Прежде всего с точки зрения выбора внешнеполитической стратегии и военной доктрины. Этот выбор, в конечном счете, будет означать выбор между «разновекторностью», ложным пониманием суверенитета и ориентации на военно-политическую интеграцию с одним из центров силы в Евразии — США, Китаем, Россией или исламским миром. Такое самоопределение должно произойти неизбежно. «Маневрировать», совмещать разновекторность становится все труднее. Но для этого еще предстоит произвести переоценку ценностей внутри самих элит.

Этим национальным элитам еще предстоит так или иначе признать, что горбачевский развал СССР не принес их народам ничего — ни в экономике, ни в политике, ни в безопасности, — ради чего стоило бы цепляться за идеи суверенитета и «самостийности». Разваливая СЭВ и ОВД, в конечном счете СССР, элиты пошли вопреки доминирующим тенденциям мировой и региональной глобализации. Успешная интеграция, как показывает, пожалуй, единственный положительный

¹ Россия и Казахстан подписали соглашение о создании единой системы ПВО. Эл. ресурс «Евразийская оборона». 2013. 30 января / <http://eurasian-defence.ru>

Евразийская воздушно-космическая оборона

пример в мире — Евросоюз — становится следствием не столько экономической выгоды (как почему-то общепринято считать), но и общности ценностей и интересов в области безопасности и военно-политического сотрудничества.

Такое утверждение становится еще более справедливым в начале XXI века, когда в мире наблюдаются процессы нарастания противоречий, конфликтности и резкого увеличения объема информации: во втором десятилетии нашего века ее удвоение происходило ежегодно, а еще в первой половине XX века — раз в 30 лет. Это сказывается на качестве управления, включая государственное, военное и общественное, что во многом предопределяет принятие эффективных политических и военных решений, ставит их в зависимость от способностей обрабатывать, систематизировать информацию, т. е. от качества информационных ресурсов государства. По этому поводу некоторые эксперты высказывают справедливое мнение, что «снижение качества управления оборачивается нарастанием хаоса и, как следствие, — военными угрозами передела сфер влияния, власти, собственности»¹. От качества информационных ресурсов в решающей степени зависит сегодня и качество ВВТ, и эффективность концепций их использования.

В силу этих и целого ряда политических, экономических и военных причин во втором десятилетии XXI века стремительно увеличивается значение воздушно-космических средств нападения и обороны, которые превращаются в главный военно-силовой компонент, способный решать как политические, так и собственно военные задачи. Это хорошо видно

¹ Затуливетер Ю.С., Семенов С.С. Ориентир — достаточная оборона // Национальная оборона. 2012. № 11 (80). С. 30.

на практическом примере вывода американских войск из Афганистана. Не только эксперты, но и сами военные из Афганистана говорят о том, что национальная армия окажется небоеспособной потому, что не имеет ни собственных ВВС, ни систем ПВО, ни артиллерии¹.

Прежде всего речь идёт, конечно, о современном военно-политическом значении ВКО, но в системе силового обеспечения американской внешней политики, которая откровенно ставит своей задачей сформировать новый мировой порядок. Как заметил президент США Б. Обама в очередной «Стратегии национальной безопасности США», «так же, как Америка помогла определить курс XX столетия, мы должны теперь построить источники американской силы и влияния, и сформировать мировой порядок, способный к преодолению проблем XXI столетия»².

Очевидная установка на использование «мягкой» и «жесткой» силы во внешней политике США означает насильственное продвижение системы ценностей в мире. Это невозможно без обеспечения такой политики соответствующим военным потенциалом. Сколько бы ни говорилось о невоенных формах влияния, фактом остается, что военная сила в последние два десятилетия используется чаще и в больших масштабах, чем в период военно-политического противостояния двух блоков. Да и «мягкая сила», как оказывается, бывает эффективной лишь в том случае, когда она подкреплена возможностями «жесткой силы». И прежде всего — возможностями воздушно-космического нападения. Об этом вполне определенно сказал, например, один из ведущих политологов и участник Проекта по реформе национальной безопасности Дж. С. Най: «...определение необходимой силы зависит от ресурсов, то есть от того, что позволяет получить желаемое поведение или, скорее, достижение желаемого результата от демонстрации силы»³.

¹ Сурков Н. Обама спешит свернуть войну в Афганистане // Независимая газета. 2013. 14 января. С. 8.

² Obama B. The National Security Strategy 2010. Wash., GPO, May, 2010. P. 3.

³ Discourse of Power / Post — war Watch. 2012. June 23 / www.postwarwatch.com/2012/06/23

Евразийская воздушно-космическая оборона

Этот общий принцип современной политики США вполне конкретно проецируется на Евразию, где «... одним из оснований внедрения в регион была выдвинута концепция „Большой Центральной Азии“, в которую, помимо пяти новых независимых государств Центральной Азии, входили бы и другие, лояльные США азиатские государства, тем самым отдаляя бывшие советские республики Центральной Азии от России»,¹ — считают эксперты МГИМО(У).

¹ Земсков В. Н. Стратегия США в Центральной Азии / Аналитическая записка ИМИ МГИМО(У), 2013. Январь. С. 2.

Стратегические интересы США в Центрально-Азиатском регионе впервые были четко зафиксированы в апреле 1997 г. в специальном докладе, направленном в Конгресс Государственным департаментом США. В документе указывалось, что США, будучи крупнейшим в мире потребителем энергоносителей, заинтересованы в «расширении и диверсификации» мировых энергетических ресурсов. Более того, констатировалось, что по своему характеру американские интересы в этом регионе носят не только экономический, но и стратегический характер, т.к. «проблема непосредственно касается обеспечения безопасности Запада».

Кроме того, совершенно очевидно, что США стремятся не допустить восстановления стратегического присутствия России на этой территории, а также создания политического союза между Москвой, Пекином и Тегераном. Немаловажным остается и то, что для США Центральная Азия служит стратегически важным плацдармом на случай эвентуальной конфронтации США с Россией и Китаем в регионе².

Подобные политические установки подкрепляются созданием такого военного потенциала, который смог бы обеспе-

² Там же.

читать глобальное использование военной силы за рамками традиционных представлений о ядерном сдерживании, которое остается единственным атрибутом России как великой державы и компенсирует очевидное американское информационное, военно-техническое и экономическое превосходство. Тем более, подобные политические установки угрожают государствам, не способным самостоятельно противодействовать воздушно-космическому нападению. Как показал опыт последних лет, именно эта форма использования военной силы стала преобладающей в боевых операциях. Соответственно возможности, способные нейтрализовать такое нападение средствами ПРО–ПВО, становятся решающим политическим инструментом.

Применительно к России и другим ядерным державам Евразии ликвидация последних компонентов ядерного сдерживания, или их нейтрализация — очевидная цель, преследуемая США в развитии систем ПРО и массовом производстве ВТО, прежде всего систем стратегического неядерного наступательного потенциала. Эти тенденции в политике США и их союзников заставляют по-новому рассмотреть не только области вероятного военно-политического противостояния в Евразии, но и его последствия для развития международных отношений и глобальной геополитической ситуации. Прежде всего в Евразии, которая стала эпицентром военных конфликтов.